

СУДЬБА ХАРСОНО

Л. ДЕМИН

ХАРСОНО никогда не бывал дальше Моджокерто, административного центра области-кабупатена. Даже этот сравнительно небольшой городок казался ему таким шумным, суетливым, а двухэтажные каменные здания, лавки богатых торговцев, купола мечетей и шпили церквей вызвали удивление. В городе начинался какой-то иной, неведомый и загадочный мир.

Огромная Сурабая и вовсе ошеломила деревенского парня. По центральным улицам непрерывной вереницей двигались автомашины и бечики¹. Витрины магазинов были наполнены удивительными и непонятными вещами. За зеркальным стеклом витрин, за высокими оградками, за стенами особняков был непостижимый мир сказочного богатства. Мир людей, которые разъезжали в автомашинах, покупали диковинные и дорогие вещи. Разве могли сравниться с этими городскими богачами старый дурак или господин Сантосо?

Впрочем, и в этом большом городе богатых людей, которым доступно все, что находится за зеркальными витринами, мало, очень мало. Даже в самых больших магазинах было малоллюдно. Прохожие торопливо проходили мимо. Основную массу горожан составляли такие же бедняки: бечики, рабочие, уличные лоточники, мелкие лавочники. Хозяйки торговались из-за каждой рупии, покупая немного овощей или маленький кусочек рыбы.

Больше всего поразило и испугало Харсоно множество нищих и бродяг в городе. Вереницы нищих — взрослых, стариков, детей — бродили по улицам, останавливались у дверей магазинов и харчевен и с надеждой протягивали руку. Некоторые пытались выпросить подавание песней, другие вызывались посторожить или протереть автомашину, третьи предлагали донести покупки с базара. Изредка хозяин лавки или состоятельный прохожий бросал нищему скомканную бумажку с портретом президента, но чаще отмахивался от него и гнал прочь. Голодные люди рылись на свалках, в мусорных ящиках в надежде найти что-нибудь съедобное.

В городе было много тысяч бездомных. Таких же бедняков, как и он, кого безземелье и голод вышвырнули из деревни. Вдоль грязной изви-

листой речки, пересекающей город, тянулись длинными рядами шалаши — нет, не хижинны, а крохотные конурки, хибарки из рогожи, кусков жести, ключев старого картона и бумаги. В этих, с позволения сказать, жилищах можно было кое-как укрыться от дождя и зноя, от чужого глаза. Во время сильных ливней хибарки размокали и разваливались. Но у многих не было и этого, не было над головой и этой убогой крыши. Люди ночевали под мостами, в канализационных трубах, под навесами магазинов и контор, под открытым небом. Ночевали целыми семьями, здесь же рождались и умирали. На центральных улицах Сурабаи еще оставались трамвайные рельсы. Самого трамвая в городе давно не было. Ночью на шпалах между поржавевшими рельсами бездомные расстилали куски рогожи и также устраивались на ночлег. Все-таки не на голой земле.

Неужели и ему, Харсоно, уготована такая же судьба — судьба бездомного бродяги? Неужели и ему не посчастливится найти работу?

Дядю Ридвана Харсоно разыскал лишь через несколько дней. Базаров в Сурабае много, но ни на одном из них он не встретил дядиной лавки. Хорошо еще, что отцу удалось собрать для него на дорогу немного денег. Питаясь у уличного разносчика, Харсоно смог протянуть до того самого дня, пока не встретил дядю на окраине города, в каком-то бедном кампунге.

Лавку дяди Ридвана и лавкой-то в полном смысле этого слова не назовешь. Крытая тростником хижина два на два с половиной метра — не больше, и перед ней лоток с разной хозяйственной мелочью. Торгует жена дяди, тетушка Элия, окруженная малышами. Она уже не служит у чиновника. Чиновник вышел на пенсию и не может больше держать служанку. Сам бедствует. Иногда он приходит к Элии и берет в долг спички, сигареты или чего-нибудь съестного. Дяде Ридвану торговля давно уже опротивела. Он слонялся по базару, болтал с приятелями, комментировал последние городские новости, присочиняя что-нибудь свое.

Ридван встретил племянника радушно и даже расщедрился по такому случаю на бутылку лимонной воды.

— Вот так и живем, племянник. Как видишь, собственный дом, торговля, детей четверо. Было еще двое, да померли. Ну, это дело наживное.

Судя по располневшей Элии, дядя не собирался подводить черту.

Окончание. Начало см. «Азия и Африка сегодня» № 8 за 1970 год.

¹ Бечики — велосипеды.

Весь вечер дядя выпытывал у племянника последние деревенские новости. Когда стали располагаться на ночлег, хозяева долго не могли решить, как поступить с Харсоно. Наконец дядя придумал.

— Гостю самое почетное место. Элия, убери товары в дом.

Укрывшись от назойливой мошкары старым дядиным саронгом, Харсоно улегся на лотке перед хижиной.

Утром Ридван спросил:

— И что думаешь делать, племянник?

— Что посоветуешь, дядя?

— Когда мы с Элией разбогатеет и откроем большой магазин на главной улице, я возьму тебя в помощники. Ты будешь стоять у входа в красивой рубашке и зазывать покупателей.

— Пустомеля, — вмешалась тетушка. — Ты все шутишь. Лучше дай парню серьезный ответ.

— Без шуток было бы скучно жить, Элия. Тебе, Харсоно, вероятно, никогда не придется зазывать покупателей в наш большой магазин. Что я могу тебе посоветовать? Видел, сколько в Сурабае бездомных бродяг? Хорошо бы пристроить тебя садовником или сторожем в какой-нибудь богатый дом. Но, к сожалению, все мои друзья и соседи — такие же бедняки, как мы с тобой, и не нуждаются ни в садовниках, ни в сторожах. Все-таки я попробую что-нибудь подыскать для тебя. Может быть, тебе и повезет.

Харсоно понял, что на дядю особенно полагаться не приходится. Дядя Ридван сам едва сводит концы с концами. Нужно было уходить и самому заботиться о себе. Ридван не удерживал племянника, но все же сказал:

— Заходи, свои ведь. Что-нибудь попробую сделать для тебя.

Начались дни скитаний, однообразные и голодные, ночевки под открытым небом.

Сперва Харсоно настойчиво стремился найти какую-нибудь постоянную работу. Он заходил в мастерские и магазины и спрашивал: не нужен ли мойщик машин, рассыльный или сторож. Но в его услугах никто не нуждался. Лишь однажды ему повезло. В течение нескольких дней он работал на асфальтировании дороги. Подрядчик, чем-то напоминающий толстяка Сантосо из их деревни, набрал десятка два безработных бродяг и нещадно обесчитывал их. Работа была тяжелая, изнурительная. Вся дорожная техника состояла из лопаты и деревянного ручного катка. Поденный заработок был настолько мал, что его еле-еле хватало на скудную еду у уличного разносчика. И все-таки это был заработок. А потом подрядчик перебрался в другую часть города и нанял новых рабочих: в безработных в Сурабае никогда не было недостатка. Он не имел обыкновения держать постоянный штат, с которым не оберешься хлопот или, чего доброго, впутаешься в разные профсоюзные дразги. Бездомный бродяга вроде этого деревенского парня Харсоно будет рад и нескольким рупиям и не помешает сделать хороший бизнес.

Неожиданно дядя Ридван пришел на помощь племяннику. Он уговорил одного из своих друзей, некоего Суброто, взять Харсоно в помощники. Этот Суброто был разносчиком батиков². Он работал на богатого лавочника и получал свой процент комиссионных. Это был веселый и изо-

бретательный парень, любитель всяких прибауток. Благодаря сходству характеров они и сошлись с Ридваном.

Дела у Суброто шли не так уж плохо. Он обходил дома богатых иностранцев, отели, появлялся у портовых причалов, где швартовались иностранные торговые корабли, наведывался в аэропорт. Суброто безошибочно угадывал в каком-нибудь американце или японце любителя экзотических сувениров и начинал артистически расхваливать дешевый фабричный батик, который обычно используется после нескольких стирок. Он клялся и божился, что подобный батик мог прежде носить лишь сам сусухунан³ Соло, что он, Суброто, уступает товар, которому нет цены и износа, за бесценок и непременно поэтому обанкротится, но готов на все ради хорошего человека, понимающего толк в вещах. Если же покупатель ничего не смыслит по-индонезийски, Суброто выражал ту же самую мысль на красноречивом языке жестов. Это был яркий спектакль, в котором разносчик мастерски исполнял свою роль. В конце концов ему удавалось сбыть батик не без выгоды для себя. Торговля процветала, Суброто мог уже считать себя туаном⁴ и обзавестись помощником.

Теперь Харсоно, взвалив на плечо большой узел, следовал на некотором отдалении за новым хозяином. Сам Суброто, чистенько приодетый, с достоинством шагал впереди и нацеливался на покупателей. По команде хозяина Харсоно развязывал узел и демонстрировал один за другим цветастые батики. Постепенно он усвоил все хитрые артистические приемы Суброто и стал немаловажным лицом в спектакле. Хозяин оценил способности помощника и купил ему новую рубашку, а также разрешил ночевать на пороге своей хижины в кампонге. Вообще этот Суброто был неплохим парнем, держался с помощником по-товарищески. За свою работу Харсоно получал харч, а в случае удачной коммерции — и немного рупий.

Теперь он уж не бездомный бродяга и не новичок в большом городе. Заглядывая иногда к дяде, Харсоно приносил для малышей какие-нибудь незамысловатые подарки.

Все шло как будто хорошо. Харсоно стал мечтать о собственной хижине, хотя бы скромной и маленькой, такой, как у дяди Ридвана. Наверное, Суброто не откажет в просьбе дать взаймы немного денег. Но неожиданные события разрушили все мечты.

Тревожные заголовки в газетах: «События 30 сентября!», «Убийство генералов в Лобанг-Буая!», «Попытка создать революционный совет!», «Захват джакартской радиостанции!», «Попытка путчистов захватить власть провалилась!», «Вооруженные силы спасают нацию от коммунистической опасности!».

На газетных полосах мелькают имена убитых генералов, которых объявили теперь национальными героями. Часто упоминался какой-то неведомый для Харсоно подполковник Унтунг — лидер неудавшегося выступления. Пресса резко нападала на президента. На улицах города появилось много военных в разноцветных беретах, грохотали танки и бронемашинны. Ползли слухи об арестах, о расправах над коммунистами. Возбужденная толпа громила китайские лавки.

² Батик — национальная ткань, расписанная узорчатым орнаментом.

³ Сусухунан — феодальный правитель.

⁴ Туан — господин.

Харсоно плохо понимал смысл происходящего. Во имя чего выступали так называемые участники «движения 30 сентября»? Кто такой загадочный подполковник Унтунг? Почему вдруг коммунистов объявили врагами нации, и армия должна спасать страну от коммунистической опасности? Почему идет дикая расправа над мирными людьми? Почему президент Сукарно, мудрый отец нации Бунг Карно, подвергается насмешкам и оскорблениям, почему он не скажет в этот трудный час своего веского и авторитетного слова и не наведет в стране порядок?

С этими «почему» Харсоно обратился сперва к Суброто. Даже этот вечно не унывающий шутник был подавлен и угнетен последними событиями.

— Мы с тобой маленькие люди, Харсоно, — сдержанно ответил Суброто. — Наше с тобой дело — торговать батиками, а не рассуждать о политике. Слава аллаху, я никогда не был ни коммунистом, ни националистом. И мне вообще нет никакого дела до всех этих партий. Все же мне не повредит, если я вступлю в мусульманскую партию «Сарекат ислам». Мой хозяин — старый и влиятельный сарекатовец. Он замолвит за меня словечко. Уж тогда никому не придет в голову подозревать меня в политической неблагонадежности.

С этими же вопросами Харсоно пришел к дяде Ридвану. Дядя ответил не сразу.

— Пойдем в дом, племянник, — сказал он. — Об этих вещах теперь не следует говорить вслух и на улице.

Опустив вниз циновку, прикрывающую вход, Ридван перешел на доверительный шепот.

— Думаешь, я сам не задаю себе эти вопросы? Чего хотели участники «движения 30 сентября»? Почему бьют коммунистов? Что я могу тебе ответить? Многие из того, что сейчас происходит, мне и самому непонятно. Ясно одно, что хозяевами положения стали зеленорубашечники. Уж они-то не упустят такого великолепного предлога, чтобы свести счеты с левыми, участвовали те в движении или нет. Есть вести из нашей деревни. Лурах и Сантосо собрали мусульманскую молодежь, сынков богатеев. Помнишь хромого почтальона? Его убили. Хотели расправиться и с учителем. К счастью, ему удалось скрыться. Всех, кто говорил о земельной реформе, запугали. Многие бегут в город, опасаясь за жизнь. Теперь ты понял, для кого зеленорубашечники спасают нацию от коммунизма? Для таких, как Сантосо, и для туанов побогаче.

Харсоно не раз приходил к Ридвану. Дядя не приглашал его больше в хижину, ссылаясь на болезнь Элии. Тетушка ждала младенца. Дверь хижины была наглухо завешена циновкой. Ридван, озабоченный и настороженный, сам стоял за лотком и неохотно отвечал на расспросы племянника.

И вот однажды Харсоно не застал дядю.

— Ридвана взяли этой ночью, — сказала заплаканная Элия. — Пришли солдаты и взяли Ридвана. А мне скоро рожать.

— Разве дядя был коммунистом? Может быть, во всем виноват его острый язычок? — спросил потрясенный Харсоно.

Тетушка призналась, что в последние дни Ридван прятал в хижине деревенского учителя, а за несколько часов до ареста отдал ему свой паспорт и куда-то проводил. Утром дядя намеревался пойти к местному лураку и поделиться своим

мнимым несчастьем — в базарной сутолоке какой-то ловкий жулик вытащил у него из кармана кошелек с деньгами и паспортом. Дело обычное. Лурах делает внушение растяпе, оштрафует его и прикажет секретарю выписать новый документ. Но, вероятно, кто-то из соседей — полицейских осведомителей — подслушивал разговоры в хижине: через легкие стены из бамбуковой щепы отчетливо доносится на улицу даже приглушенный шепот. Когда пришли солдаты, учитель был уже далеко.

Новость быстро облетела весь кампунг. Об аресте Ридвана узнал и Суброто. Он сказал Харсоно:

— Ты был хорошим помощником. Из тебя вышел бы со временем дельный парень. Но пойми меня правильно и не обижайся. Время такое... Я вступаю в «Сарекат ислам». А ты, моя правая рука, — племянник арестованного врага «нового порядка». Видишь, какая ситуация. Я должен взять другого помощника.

Суброто подумал и добавил:

— Я знаю твоего дядю и искренне жалею его. Я подарю тебе на память мои старые сандалии... и, пожалуй, дам немного рупий.

Харсоно распрощался с хозяином, не обижаясь на него. Этот Суброто был просто трусоватым парнем, он думал прежде о собственной шкуре и уж не полез бы ради товарища в огонь и в воду. Небольшую сумму, которую удалось скопить, и те рупии, которые дал ему вместе со старыми сандалиями Суброто, Харсоно отдал тетушке Элии.

Вновь потянулись однообразные и голодные дни скитаний, ночевки на улице, безуспешные поиски работы. Харсоно стал присматриваться к бойким парням, которые неплохо ухитрились зарабатывать на так называемом паркире. Паркир — стоянка автомашин. По неписанному закону улицы за паркир полагалось платить несколько рупий добровольному сторожу.

Как только какой-нибудь «Мерседес» или «Фиат» останавливался перед рестораном или магазином, к машине подсакивал парень и услужливо открывал дверцу. Когда хозяин, сделав свои дела, садился в машину, парень деловито размахивал руками, делая вид, что помогает шоферу выехать на проезжую часть улицы. Принимая за свой труд бумажку, он протягивал хозяину машины для солидности самодельную квитанцию — все как полагается. Если же хозяин не был расположен раскошелиться и отмахивался от парня, у машины могла вдруг оказаться проколотой шина или исчезал подфарник. Обычно это было делом рук самого сторожа — не оставляй машину без присмотра и не забывай о законах улицы.

Почему бы не попытаться заработать тем же способом, как зарабатывают эти бойкие парни?

Харсоно выбрал боковую тихую улочку, на которую выходил маленький отель. Ему сразу же повезло. К отелю подъехал «джип» с двумя китайцами. Харсоно услужливо открыл дверцу. Китайцы вышли из «джипа» и направились к отелю. В открытом холле они громко о чем-то спорили, яростно жестикулируя, потом мирно распрощались. Один остался в холле и заказал себе пива, другой, тот, что сидел за рулем, возвратился к машине. Харсоно вновь открыл дверцу. Китаец машинально протянул ему мелкую бумажку. Харсоно с радостной поспешностью схватил деньги и даже позабыл помахать руками перед «джипом». Еще бы две-три таких удачи, и

он смог бы сегодня неплохо пообедать у уличного разносчика.

Вот приближается еще одна машина — неуклюжий облезлый «Шевроле» старой марки. Харсоно устремляется к нему. И вдруг на его пути встают два каких-то лохматых парня. Один из них, в красной куртке нараспашку, говорит угрожающе:

— Проваливай отсюда мигом. Слышишь?

— Здесь наш паркинг, — задиристо крикнул другой, с тонкими, по-паучьи раскоряченными ногами.

— Эта деревенщина, кажется, не понимает простых слов. Придется объяснить по-другому, — сказал первый, сжимая кулак.

Харсоно молниеносно оценил обстановку. Он, физически развитый крепыш, может потягаться с этими двумя, собственно говоря, с одним. Тонконогий мозгляк не в счет. Все-таки следует сперва сокрушить слабого, чтобы развязать руки для схватки с основным противником. Сильным ударом под вздох Харсоно бросил на землю тонконогого, а затем железной хваткой сжал кисти рук парня в красной куртке.

— Может, не будем ссориться, приятель?

Его противник сквернословил и брыкался и в конце концов ухитрился ударить Харсоно затылком в челюсть. Это разъярило Харсоно, и он основательно намял бока задире. Тонконогий тем временем поднялся и улизнул в отель за подмогой. Вскоре показалась орава слуг в форменных тужурках. Харсоно, поддав противнику увесистого тумака, поспешил скрыться.

Он понял законы улицы и больше не вторгался в чужие владения.

Унылые дни бродяжничества...

Харсоно пытался стать разносчиком газет, сборщиком макулатуры. К сожалению, в городе было много всяких разносчиков и сборщиков, слишком много для одной Сурабаи. Харсоно продавал старьевщику рубаху и сандалии, подарок прежнего хозяина, и несколько раз наедался досыта. Когда было совсем голодно, он рылся на свалке в надежде отыскать что-нибудь съедобное.

Один парень, такой же бродяга, надоумил его промышлять по харчевням. Чтобы хозяин не выставлял за дверь, нужно играть роль разносчика какого-нибудь товара. Лучше всего раздобыть пачку старых книг и журналов. Иногда они попадают на свалках и в мусорных ящиках. Пусть этот товар никому не нужен. Но с ним ты входишь с деловым видом в харчевню. Все дальнейшее зависит от твоей расторопности. Ты можешь воспользоваться обедками, пока их не собрала прислуга.

Суровая жизнь неумолимо толкала Харсоно на самое дно, превращала его в профессионального, хронического бродягу, люмпен-пролетария. Сперва он тяготился праздным образом жизни, стыдился и брезговал рыться на свалке или подбирать со стола обедки. Он с тоской вспоминал о деревне, о тех днях, когда пас буйвалов или возделывал с отцом поле, когда ломило от здоровой физической усталости продубленное зноем тело. Но привыкнешь ко всему, даже к голоду. А голод притупляет стыд и брезгливость. Привык Харсоно и к жизни закоренелого бродяги. Однажды он встретил подрядчика, который когда-то нанимал его на асфальтирование улицы. Подрядчик вспомнил его и предложил поденную работу.

— Приходи завтра, парень, к Колонне героев. Заработаешь немного рупий. Условия прежние.

Индонезийский крестьянин.
Фото О. Скалкина

Харсоно не пришел — проспал. А потом без сожаления вспоминал о предложении подрядчика. Стоит ли за несколько жалких рупий гнуть целый день спину, разбрасывать лопатой тяжелый раскаленный асфальт и утрамбовывать его вручную?

* * *

На этом мы и закончим наш рассказ о судьбе Харсоно. Таких Харсоно — многие тысячи, десятки, а может быть, и сотни тысяч в современной Индонезии. Они бегут из задыхающихся от безземелья и беспросветной нужды деревень. Бегут в большие города в поисках хоть какого-нибудь заработка. В городах, переполненных безработными и бродягами, найти более или менее постоянную работу вряд ли удастся, если не подвернется почти невероятный счастливый случай.

В столице Джакарте, Сурабае и других крупных городах Явы по обочинам шоссе, на пустырях, по берегам рек и каналов, вдоль полотна железных дорог растут так называемые кампунг-лиар — дикие поселки. Вереницы убогих шалашей, палаток, конурок из тряпья, рогожи, кусков жести, старых досок. Растет армия люмпен-пролетариата, людей, утративших производственные навыки, уже не способных к общественно полезной, производительной деятельности. Идет опасный процесс деклассирования. Он может быть остановлен лишь с помощью терпеливой, последовательной и смелой политики, включающей большой комплекс социальных и экономических мероприятий.